

Евгений ЗАЧЕВСКИЙ

ТОМАС ВУЛФ И ГЕРМАНИЯ: ИСТОРИЯ ОДНОГО РОМАНА

(Wolfe, Thomas. *Eine Deutschlandreise in sechs Etappen*,
Hrsg.v. O. Lubrich. München: Manesse Verlag, 2020. 407 p.)

Evgeny ZACHEVSKY

THOMAS WOLFE AND GERMANY: THE STORY OF A (ROMANCE) NOVEL

(Wolfe, Thomas. *Eine Deutschlandreise in sechs Etappen*,
Hrsg.v. O. Lubrich. München: Manesse Verlag, 2020. 407 p.)

- © 2020 Евгений Александрович Зачевский (д.ф.н., почетный профессор, Санкт-Петербургский политехнический университет им. Петра Великого, Санкт-Петербург, Россия) archont35@mail.ru
- © 2020 Evgeny A. Zachevsky (Doctor Hab. in Philology; Professor emeritus, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia) archont35@mail.ru

Знаменитый немецкий поэт XX века Готфрид Бенн, говоря о фенотипе современного человека, усомнился в его существовании, ибо «природа для него больше не исток вдохновения и лирического переживания, чем... она являлась для чувствительных натур XVIII и XIX веков».¹ Но, как это часто случается, в реальной действительности бывают исключения, и этим исключением является жизнь и творчество не менее знаменитого американского

---

¹ Бенн Г. Роман фенотипа // Бенн Г. Двойная жизнь. Проза. Эссе. Избранные стихи. Аугсбург – Москва: Waldemar Weber Verlag, Летний сад, 2008. С. 82.

писателя Томаса Вулфа (Thomas Wolfe, 1900–1938), чье восприятие реальной действительности происходило постоянно в тесном взаимодействии с природой, ибо она была для него верным индикатором духа времени и главным свидетелем в его суждениях о времени.

В этой связи больший интерес представляет попытка немецкого исследователя Оливера Лубриха, известного своими публикациями такого рода, создать некий компендиум коротких записей, открыток, писем, дневников и рассказов Томаса Вулфа о его шести поездках в Германию с 1926 по 1938 годы, которые

в известном смысле представляют собой, если можно так выразиться, историю любви и ненависти Т. Вулфа к Германии, рассказанную им откровенно, с пафосом и горечью, как будто речь шла не о стране, а о какой-то женщине, не оправдавшей высоких надежд возлюбленного.

Главную роль в этом любовном влечении сыграло то обстоятельство, что отец Томаса Вулфа был родом из Германии, и здесь проявил себя фактор внутреннего стремления определить свое отношение к исконным местам. Однако фактор этот оказался не очень надежным, ибо в процесс определения его прочности вмешивается политическая составляющая времени: первое знакомство Вулфа с родиной его предков происходит под воздействием политических событий – недавно закончившейся Первой мировой войны, когда образ Германии в США, как, впрочем, и вообще в тогдашнем мире, формировался в подчеркнuto оскорбительной форме – немцы представляли в виде варваров-гуннов. Первая запись в дневнике Вулфа гласит: «Выбритый наголо череп некоего гунна кажется сверху со стороны затылка отрезанными и точно положенными кусочками шпика»². И тут же иронические высказывания о немецких студентах, «гордящихся своими шрамами, сломанными носами» [13].

Вулф пока присматривается к своей исторической родине, отсюда смешение иронических замечаний по поводу распространенного тогда в США расхожего названия немцев «гуннами», идущее от пафосных слов кайзера Вильгельма II (одобрительно отозвавшегося таким образом о зверствах немцев при подавлении в 1900 году боксерского восстания в Китае), и первые ростки обретения если не безудержной любви – это впереди, то, во всяком случае, понимания проявлений национальной сущности немцев. Речь

² Wolfe, Thomas. *Eine Deutschlandreise in sechs Etappen*, Hrsg.v. O. Lubrich. München: Manesse Verlag, 2020: 9. Перевод с нем. здесь и далее мой – Е.З. Ссылки на рецензируемое издание в дальнейшем даются в скобках в тексте рецензии.

в данном случае не идет о каком-то прозрении, а всего лишь о постепенном процессе постижения новой реальности применительно к личным жизненным основам писателя и человека, который все еще находится в зыбком состоянии и исподволь требует основательного подтверждения этой приверженности. Правда, в этой ситуации большое значение имеет импульсивный характер прозы Вулфа, мощный эмоциональный накал его повествования, который, в силу присущей писателю политической наивности, не всегда отвечает реальному авторскому восприятию той или иной проблемы. Но тем не менее личная заинтересованность в обретении прародины не вызывает сомнений.

Процесс этого постижения только начинается, но уже в письме к своей возлюбленной, музе и меценату Алине Бернштайн от 10 декабря 1926 г. Вулф сообщает, что ему «нравится этот отвратительно-энергичный язык, потому что немцы, словно дети, строят его путем складывания блоков, и потому что их города выглядят как игрушечные» [17]. В другом письме от 14 декабря 1926 г. Вулф, побывав в музеях и в театре, выражает желание поближе ознакомиться с Германией: «Я должен снова увидеть тех людей, которых я раньше знал, вдохнуть воздух моей родной земли; возвращение, возвращение» [20].

Более развернутое описание встречи с Германией нашло отражение в рассказе писателя «Темно в лесу, необычно, как время» (“Dark in the Forest, Strange as Time”, 1934), но это не возвращение, а прощание с той Германией, которую Вулф так стремился обрести. Составитель книги, помещая этот рассказ в ее первой главе, относящейся к 1926 году, явно не учел того, что рассказ был опубликован в 1934-м, когда у Вулфа уже четко сформировалось негативное отношение к Германии как к фашистскому государству, отчего этот рассказ по своему настрою представляет собой печально-торжественную отходную прародине отца и одновременно вынужденное признание в любви к ней со всеми ее положительными и отрицательными проявлениями. Рассказ содержит весь спектр восприятия Вулфом немецкого прошлого и настоящего и рисует трагическую картину неотвратимого вхождения в этот мир новоявленной нации.

Вулф описывает свою поездку из Германии в Швейцарию, и описание это фиксирует уже свершившийся факт возникших взаимоотношений писателя с прошлым, его погружения в атмосферу приверженности к немецкой сущности, в

темные чары немецких лесов, тех лесов, которые для меня являются чем-то большим, нежели только деревьями, ибо в них заключено обаяние, волшебство и колдовство, и поэтому они наполняют сердца людей, и прежде всего, тех чужеземцев, которых связывает расовое родство с этой страной, некоей

мрачной музыкой, настойчивыми воспоминаниями, никак не поддающимися выражению.

Это захватывающее чувство какого-то непосредственного и неизбежного открытия, которое ощущают люди, посещающие страну своих праотцов. Получается так, как будто приезжаешь в некую неизвестную страну, о которой наш дух так страстно тосковал еще в юности, и она остается темной стороной нашей души, чужим братом и подобием нашей страны, знакомой нам с детства. И нам сразу же в какое-то мгновение становится ясно, мы видим это – с энергичным ощущением полнейшего узнавания и неверия, с неким подобием сновиденческо-реальной чужеродности и мечтательности, когда мечты и все чудеса обретают единство [...]

Мы одинокие, простые люди, потерянные американцы. Необъятное и пустынное небо простирается над нами, и десятки тысяч людей шагают вместе с нами в нашей крови. Откуда они взялись, эта постоянная тоска и жгучее стремление и музыка, мрачная и праздничная, сказочная, что пронизывает лес? Как получается, что этот юноша, американец, узнал с первого взгляда эту чужую страну, как только ее увидел?

Как может такое случиться, что он с первой ночи своего пребывания в одном немецком городе стал понимать язык, который он никогда до этого не слышал, мгновенно заговорил на нем и сказал все, что хотел сказать, – и это на чужом языке, которым он не владел! – сказал на своеобразном жаргоне [...] и таким образом каждый, с кем он говорил, был понят?

Нет. Он не мог этого доказать, и все же он чувствовал, что глубоко проник в мозг и кровь этих людей, – наследников древних орд, что в совершенстве постиг эту страну и народ своего отца. Он понял это трагическое и неразрывное смешение, страшное сплетение жестокого и духовного в этой расе. Он знал невыразимый страх перед диким лесом, круг жестоких и варварских образов, которые окружали его своим мрачным и нечеловеческим кольцом, знал ощущение погружения в безрассудный лесной ужас варварского времени. Он вобрал это все в себя, настойчивую неводержанность и алчность ненасытной свиньи, как и настойчивую, необычную и полную сил музыку души.

Он познал ненависть и отвращение к ненасытной бестии – бестии со свиньей харей, с ее ненасытной жадью, неутолимым голодом, с жирными, волосатыми, загребущими руками, которые ощупывают все вокруг себя с грубым, жадным и никогда не утихающим вожделием. [...] Какой свирепой, непостижимой, необычной и достойной сожаления была загадка этой расы: сила и могущество неподкупного и возвышенного духа, который вознесся из смертоносной бестии с такой сверкающей чистотой, – и захватывающее волшебство великолепной музыки, благородной поэзии, так

печально и неизменно, неразрывно связанное с жестокой бестией, с ее вечно голодным брюхом [30–32].

Столь пространно Вулф, человек, уже постигший суть случившегося с прародиной отца, изложил свои взгляды много позже, но сейчас мы вынуждены по воле составителя этой книги вернуться к истокам знакомства писателя с Германией, проследить историю его постепенного и вынужденного вставания в этот необычный для современного американца мир.

Уже следующая поездка Вулфа во Францию, Австрию и Германию, состоявшаяся в 1927 году, свидетельствует о сложном процессе вхождения писателя в обетованную немецкую общность, несмотря на его искреннее стремление осознать свою немецкую сущность. На этом пути встает в качестве примера для подражания Австрия и особенно Вена. Общаясь с австрийцами, Вулф в письме Гомеру Уатту (Homer Watt) приходит к неожиданному выводу: «Эти люди, кажется, принадлежат к совершенно другой цивилизации, чем немцы. Местной жизни свойственна некая внутренняя легкость, чуткость и магическое воздействие, которые меньше всего являются тевтонскими» [44–45]. И тут же следует уничтожающая оценка: «Есть один сорт немцев – это молодые господа с дуэльными шрамами на лице и более старшие немцы с выбритыми догола круглыми головами, со свиньячими глазками и тремя подбородками, висящими над воротничком – их я действительно, действительно терпеть не могу!» [46]. Однако в конце письма, подчеркивая, что его предыдущее высказывание о немцах не связано со «злостной военной пропагандой», Вулф отмечает: «Они очень сильный и энергичный народ, который, и я в этом уверен, совсем не осознает свои неприятные свойства; их созидательная и интеллектуальная сила огромна: могущественная, глубокомысленная, непостижимая и потрясающая мир (как Кант и Вагнер), но у них отсутствует эта венская чувствительность и светскость» [46].

В 1928 году Т. Вулф, продолжая восхищаться при виде колоссального выставочного павильона в Кельне «решимостью и мощной энергией немцев во всем, что они делают», тут же замечает во время поездки на пароходе по Рейну, что «под покровом волшебства Лорелеи вверх и вниз по реке двигаются суда, нагруженные огромными, жирными свиньями, которые все время жрут и пьянствуют» [74]. И дальше:

Эти захмелевшие от пива люди создали Бетховена и Гете, величайший дух Нового времени. В давние времена они создали в Нюрнберге и здесь чарующее сказочное царство. И сегодня для этой страны пишут такие люди как Вассерман и Томас Манн... Можно ли понять эту страну? Когда я подни-

маюсь после обеда, то ощущаю, как будто я проглотил окровавленный кусок, только что доставленный со скотобойни. Невероятное число мяса, поглощаемое ими, чудовишно, и сразу же делает меня вегетарианцем. Я совсем не знал, что немецкая земля кормит так много свиней и коров – в воздухе снова раздаются вопли убиваемых свиней [95].

Именно в это время Вулф создает великолепный рассказ «Октябрьские гулянья» (“Oktober Fest”, 1937) о традиционном народном празднестве под Мюнхеном, изображая вакханалию пьянства и обжорства, в которой сам принял самое активное участие. Гулянья завершились настоящим мордобоем, в ходе которого писателю пробили голову (что впоследствии приблизило его преждевременную смерть) и сломали нос.

Перед ним открылась необъятная картина всеобщего поедания и питья, и он принял ее как данность:

Каждый ел, каждый пил. Невероятнейший голод, голод, не знавший успокоения, который хотел ухватить в свои когти все бычье мясо, всю колбасу, всю соленую рыбу мира, обуял меня и держал в своей глотке. Во всем мире не было ничего, кроме еды – прекраснейшей еды... Все душевные муки были здесь забыты. Что знали эти люди о книгах? Что знали они о картинах? Что знали они о волнениях миллионов сердец, о борьбе и мучениях духа, надеждах, страхах, враждебности, ошибках и амбициях, о многочисленных сферах современной жизни? Эти люди жили не для чего иного, как для еды и питья, и они были правы [127–128].

Здесь, конечно, дело не в оправдании массового поедания всевозможных яств и поглощения разлитого моря пива. Для Вулфа это столпотворение с размахом жующих и пьющих немцев является выражением их исконной сути, их жестокого и безраздельного владения всем миром:

Гигантское крытое помещение содрогалось от громкого гула их голосов, оно дрожало от их мощных тел, и когда они раскачивались из стороны в сторону, мне казалось, ничто не могло на земле им противостоять, так как все, что попадет им на пути, будет уничтожено. Теперь я понял, почему другие народы так их боятся; внезапно меня самого охватил такой смертельный страх, что сердце замерло в груди. Мне показалось, что мне снится сон, и я будто проснулся в каком-то неизвестном мне варварском лесу, окруженный дикими, варварскими лицами, склонившимися надо мной – со светлыми косами, светлыми бородами, они опирались на древки копий, на щиты из твердой кожи и смотрели на меня [130].

Последовавшая за этим пьяная драка была для Вулфа своеобразным выходом из состояния страха перед этими варварами, она принесла некое «чувство возросшего самосознания» [166]. В письме Алине Бернштайн от 1 ноября 1928 г. Вулф, словно подводя итог своей поездке по Европе, заявляет, что европеец (имея в виду немца) в пику американцу «спасает свою гордость тем, что представляет себя любителем доброго и прекрасного, защитником и покровителем искусства и человеком, презирающим грязные деньги, в то время как американец не интересуется ничем, кроме денег... Здоровенный толстый парень в одной из огромных пивных в Мюнхене на Нойхойзерштрассе напел мне все это однажды ночью, лакая литрами пиво, набив рот четырнадцатью различными сортами мяса и колбасы. В мире нет ни одной книги или картины, ради которых он отказался бы от литра пива» [169–170].

Поездка в Германию в 1930 году, судя по всему, не произвела на Вулфа особого впечатления, если не считать написания им рассказа «Октябрьские гуляния», да растущей настороженности в отношении всего немецкого и усиления сомнений в правильности собственных представлений об исключительности этой нации. С одной стороны, в его записной книжке возникает пометка о том, что «невозможно ее по-настоящему любить; в этом состоит ее важная хитрость» [176], с другой стороны, проникшись мрачной красотой лесов Шварцвальда, Вулф в одном из писем заявляет: «Со всем, что в них есть зверского, варварского и сверхъестественного, и в то же время обильного, глубокомысленного, дружественного и громкого, эти люди волнуют меня больше, чем я мог бы выразить» [177].

Поездка Томаса Вулфа в фашистскую Германию в 1935 году была, пожалуй, самой насыщенной и триумфальной; она стала переломным моментом и в творчестве писателя, и в его пронемецкой привязанности к этой стране и к ее людям. Визит Вулфа в Германию воспринимался культурной элитой тех лет как некий глоток свежего воздуха:

Буйный, фантастический, невероятный поток приемов, вечеринок и обедов, длящихся ночами попоек, газетных интервью, выступлений на радио, фотографий и тому подобное, и множество людей – в первую очередь Марта и семейство Доддов, Ровольт, Ледиг, миссис Харнак, Карла, Элинора, Дела, Файнсы, «Грюнер Цвайг» и т.д. Вероятно, такого больше не повторится, но это было интересно и достойно внимания, и люди рассказывали мне ошеломляющие вещи – я должен это все в памяти реконструировать – в точности [189].

Здесь требуются некоторые пояснения для того, чтобы понять необычность случившегося. В Берлине Вулф жил в американском посольстве

под опекой посла США в Германии Уильяма Эдварда Додда (William Edward Dodd, 1869–1940) и его дочери, журналистки и писательницы Марты Додд, которые сделали все возможное для того, чтобы он подробно ознакомился с реальной ситуацией в Германии после прихода к власти Гитлера. Если личное знакомство Вулфа с издателями Ровольтом и Ледигом носило дружески-производственный характер, то общение с семейством Файнсов с еврейскими корнями и тем более с Милдред Элизабет Фиш-Харнак, уроженкой Милуоки (шт. Висконсин), организовавшей в 1933 году группу сопротивления против фашистского режима, к которой принадлежала и Марта Додд, и казненной нацистами в 1942-м, было явно просветительского свойства, неким введением Вулфа в проблематику тогдашней Германии.

Несомненно, главным организатором всех встреч Вулфа с представителями немецкой интеллигенции тех лет была неутомимая Марта Додд, с которой писатель много «говорил, спорил, кричал – и так почти каждый день» [190], хотя она прекрасно понимала, что культурный фон Берлина 1935 года оставлял желать лучшего. По инициативе Марты Додд Вулф посетил знаменитое «Романское кафе», бывшее до прихода к власти Гитлера центром культурной жизни Берлина. Марта Додд вспоминает:

Во время своего первого, длившегося два-три месяца пребывания в Берлине, он был легендой... Едва он уехал, знаменитое «Романское кафе» снова превратилось в запущенное и пустынное заведение – без его звучного голоса, без его беспечной жестикуляции, без его друзей и почитателей. До меня дошли слухи, что люди, которые после прихода к власти Гитлера больше не появлялись в общественных местах, из-за него пришли в кафе, а потом еще много недель в заведении повсюду сидели шпики гестапо, чтобы подслушивать разговоры тех, кто, почувствовав себя в безопасности из-за присутствия Томаса Вулфа, стали бы высказываться менее осторожно [345].

В письме к матери 16 мая 1935 г. Вулф сообщает, что в Берлине его «носят на руках» [192]; в письме от 23 мая 1935 г. своему приятелю М. Перкинсу он не без гордости, но и с оттенком иронии, замечает: «Я ничего не знаю о моем status quo в Нью-Йорке, но в Германии я был признанным любимцем. Я не думаю, что смогу вынести нечто подобное еще две недели, но все же прошедшие четырнадцать дней были самым необычным и чудесным временем в моей жизни...» [194].

Однако восторг от такого приема сочетается у него с тревожными предчувствиями надвигающейся беды, потому что, как пишет Вулф в письме к приятелю, «здесь я узнал о таких фактах и вещах... что, если они

соответствуют действительности и если доверять своей интуиции и людям, с которыми я говорил, то их нужно признать преступными... То, что я пережил и понял в эти две недели, может принести, чего доброго, несчастья и страдания людям» [196].

Не только разговоры с оппозиционерами, но и собственные наблюдения повергли Вулфа в ужас:

Эта нация находится сегодня по ту сторону сомнений, нет ни тени их у марширующих в полной экипировке мужчин – я это видел вчера собственными глазами на протяжении двухсот миль в сотнях городах и деревнях в самой мирной, в самой очаровательной и в самой радушной стране. Тысячи отрядов, бесчисленных дивизионов, где все, начиная с восьмилетних детей и кончая пятидесятилетними мужчинами, без капли сомнения исполнены надежды, энтузиазма и побуждаемы верой в фатальное и разрушительное дело. А солнце сияет весь день, и поля невероятно зелены, леса так невероятно восхитительны, маленькие города невероятно сверкают чистотой и лица людей, с которыми я встречался, сияют доброжелательностью; что можно на это сказать? [197–198].

После таких слов кажутся странными рассуждения Вулфа о том, что «народ в Германии обладает правом свободно говорить, писать и думать о том, о чем в Америке нельзя ни думать, ни писать. В Германии, например, существует свобода говорить и писать о том, что можно не любить евреев и считать их плохим, опустившимся и отвратительным народом. В Америке такой свободы нет» [236]. Слова эти произнесены после последней поездки Вулфа в Германию – в 1936 году – и навеяны, несомненно, впечатлениями от успеха Германии на Олимпийских играх в Берлине, за которыми Вулф наблюдал из ложи американского посла Додда. Именно поэтому Вулф так страстно защищает «немецкую диктатуру, о которой трудно сказать что-либо хорошее», но «если мы действительно хотим бороться против зла фашизма, мы должны сначала понять его хорошие стороны» [236], – и тут же приводит аргументы pro и contra, противопоставляя «физической чистоте, здоровому народу, национальной энергии» «подавление свободы слова, культ затертых мыслей и отсюда – необходимость единой власти» и диктатуры [238].

Все эти рассуждения свидетельствуют о политической наивности Вулфа, в чем его неоднократно упрекала Марта Додд, что и провоцировало их постоянные ссоры; но главным образом подобные выводы писателя вызваны американской действительностью, ибо тут же он называет имена левых американских писателей и журналистов – Мальколм Каули, Майк Голд,

В.Ф. Кальвертон, Эдмунд «Кролик» (“Bunny”) Уилсон, которые подвергаются гонениям, и требует «подавления свободы газетной грязи, газетной лжи» [238].

Понятно, что Вулф не является сторонником фашизма и его положительные высказывания о нацистской Германии свидетельствуют о постоянном внутреннем конфликте между личным восприятием природы и культуры Германии вкупе с упомянутой политической наивностью и внешним опытом, полученным из разговоров с людьми, которым он доверял, впечатлением от увиденного. Он разрывается между реальностью и миром искусства, и все его заметки и письма полны осознанием неотвратимой беды, в которой погибнет и дорогая ему Германия.

Незадолго до своей смерти Томас Вулф в своем письме Джонатану Уорту Дэниэлсу (Jonathan Worth Daniels, 1902–1981), автору одного из первых восторженных откликов на его роман «Взгляни на дом свой, ангел», заметил:

Я люблю Германию. Это чудесная страна. Я люблю немцев, такие их великолепные свойства как упорство, негибкость в борьбе и самоотверженность. Но я очень боюсь, что все эти грандиозные свойства – самоотверженность, усердие и самопожертвование – служат теперь одной ошибочной цели, одному обманчивому идеалу. Европа этим летом напоминает вулкан, наполненный такой ядовитой и сгущенной ненавистью, что этот вулкан может взорваться в любой момент. Огромная военная машина готова, и она все время грозит еще увеличить и усилить свою мощь... Очень хорошо, что я нахожусь дома – с чувством, что несмотря на все наши недостатки, мы свободны от этого скользящего национального чувства ненависти, что у нас есть пространство и воздух, где мы можем двигаться.

Я думаю, ты удивляешься тому, что я стал таким политиком. Первый раз в жизни я развил в себе повышенный интерес к политике, не только в Европе, но даже и у нас. Возникло это, как мне кажется, и более всего именно здесь, на корабле «Европа» летом во время моих поездок [250].

Этот процесс политического осознания происходящих в Германии событий нашел отражение в рассказе Вулфа «Я должен вам кое-что рассказать» (“I Have a Thing to Tell You”), где речь идет о последнем дне пребывания писателя в стране, о тягостном прощании с издателем его книг Генрихом Ледиг-Ровольтом (Heinrich Ledig-Rowolt, 1908–1992), выведенным в рассказе под именем Хартмана, и, прежде всего, о расставании Вулфа со страной его сладостной мечты. Это сугубо автобиографический рассказ, и в известном смысле его можно назвать расчетом с недавним наивным прошлым и обретением мужества видеть реальную действительность.

Первая часть рассказа – это страстный диалог Хартмана с рассказчиком, в котором Хартман пытается уговорить его написать откровенную книгу, раскрывающую преступную сущность нацистского режима. При этом Хартман говорит о собственных проблемах, связанных с его незаконнорожденностью, еврейским происхождением, невозможностью устроить личную жизнь – в связи с особыми нравственными законами нацистской власти – и откровенно рассказать о ситуации в стране, ибо он будет исключен из Имперской палаты письменности с далеко идущими последствиями. В своих бурных рассуждениях Хартман внушает рассказчику, Томасу Вулфу, что он может написать о реальном положении дел в Германии и остаться в стране, поскольку ему как американцу ничего не грозит:

Почему ты хочешь уехать и тем самым испортить все дело? Ты здесь как дома. Все тебя понимают. А из-за какой-то смешной политики, только из-за этих идиотов ты хочешь уехать и все испортить... Почему ты должен так поступить? Ты ведь не политик. Ты не занимаешься какой-то политической пропагандой. Ты ведь не принадлежишь к этим проклятым мелким нью-йоркским салонным коммунистам... Если бы ты был мелким пропагандистом из Нью-Йорка, то ты мог бы все сказать, и это ничего бы не значило... Но ты бы все потерял. У тебя есть имя. Люди восхищаются тобой! [...] Ну, хорошо. Ты вынужден делать то, что вынужден делать. Ты несчастный простодушный парень. Собирайся, надо ехать [267–268].

Диалог между Хартманом и рассказчиком приобретает порой истерический характер, но он отражает действительное состояние беспомощности обоих его участников в сложившейся политической ситуации, отчего последующие события повествования предстают как показательный пример бессилия рассказчика каким-либо образом выразить свое мнение о происходящем в нацистской Германии.

Действие перемещается в купе вагона, в котором волею случая оказываются рассказчик, польский эмигрант, обосновавшийся в США, некая дама неопределенного возраста, но с претензиями на элегантность, немка в сопровождении молодого человека и пожилой еврей, собиравшийся, как потом выяснилось, эмигрировать во Францию, за что и был вскоре арестован полицией на границе под предлогом незаконного вывоза валюты.

Все события, происходившие в этом вагоне, четко разделяются в своей социальной и политической обусловленности. Если немецкие пассажиры, которые вели себя довольно скованно, несколько оживились после ареста старого еврея, разразившись восклицаниями «Ах, эти евреи! Ничего подоб-

ного никогда бы не случилось, если бы не было их!» [298], то новоявленный американец польского происхождения задумчиво уставился в окно вагона, а рассказчик наконец осознал, что он «нашел свой путь. С этим старым мастером, гениальным Фаустом, праотцем древнего духа, которым восхищается все человечество, с этой старой Германией, со всеми ее истинами и великолепием, ее красотой, магией и ее падением – с этой мрачной страной, с этой древнейшей землей, которую я так долго любил, – я распростился» [301].

Распростимся и мы с интересной и необычной книгой, собранием материалов о жизни и творчестве выдающегося американского писателя Томаса Вулфа, о его недолгом, но страстном романе со страной его предков – Германией 1920–1930-х годов. Книга о пребывании Томаса Вулфа в Германии содержит много документов, неизвестных нашим американистам, однако комментарии к ним носят в основном характер сообщений о посещении писателем разных ресторанов, кабачков и забегаловок с полной выкладкой их истории, и в меньшей степени касаются собственно посетителей этих заведений. Приводя данные о многих книгах как немецких, так и американских авторов о поездках Томаса Вулфа в Германию, составитель обходит вниманием его собственно творческие контакты с издателями, писателями, друзьями. Тем не менее, книга эта была бы полезной для историков американской литературы, тем более для занимающихся изучением творчества этого писателя, фигура которого очень показательна для понимания положения западного интеллектуала, а американского в особенности, в годину событий всемирного масштаба.

ЛИТЕРАТУРА

Бенн Г. Двойная жизнь. Проза. Эссе. Избранные стихи. Аугсбург – Москва: Waldemar Weber Verlag, Летний сад, 2008.

REFERENCES

Benn, Gottfried. *Dvoinaia zhizn'. Proza. Esse. Izbrannye stikhi* [Doppelleben. Prosa. Essays. Ausgewählte Gedichte]. Augsburg – Moscow: Waldemar Weber Verlag, Letnii sad Publ., 2008. (In Russ.)

Wolfe, Thomas. *Eine Deutschlandreise in sechs Etappen*, Hrsg.v. O. Lubrich. München: Manesse Verlag, 2020.

Received: 15 Sept. 2020

Date of publication: 30 Nov. 2020